

DOI: 10.33184/dokbsu-2025.4.13

Интертекстуальные связи как механизм смыслообразования (на материале рассказа Р. Джойс «Christmas Day at the Airport»)

Е. А. Волкова^{1*}, Л. Е. Ильина²

¹Оренбургский государственный университет
Россия, Оренбургская область, 460018 г. Оренбург, пр. Победы, 13.

²Оренбургская духовная семинария
Россия, Оренбургская область, 460014 г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 17.

*Email: evgenia.alexandrovna@inbox.ru

В статье рассматривается роль интертекстуальных связей в формировании глубинных смыслов и интерпретации авторского замысла. Основной целью работы является выявление интертекстуальных связей, представленных в рассказе Р. Джойс «Christmas Day at the Airport». Задачами исследования было рассмотреть существующие теоретические концепции интертекстуальности и языковые формы ее выражения, а также провести качественный контент-анализ текста. Результатом исследования стало выявление экстралингвистических (отсылки к религиозным, культурным и социальным контекстам), межтекстовых (связи с другими произведениями сборника) и языковых (формы выражение интертекстуальности на языковом уровне) интертекстуальных элементов, формирующих многослойную структуру смысла в анализируемом рассказе.

Ключевые слова: интертекстуальность, смыслообразование, экстралингвистические и межтекстовые интертекстуальные связи, языковая форма выражения, современный британский рассказ.

Современная литература обнаруживает интертекстуальные связи, позволяя читателям открывать глубинные смыслы, формирующие мировоззрение. Ни один текст не является обособленным и изолированным, но помещенным в глобальную интертекстуальную среду. В эпоху постмодернизма чтение приобретает рефлексирующий характер, поскольку при обработке информации реципиент ощущает невидимые и неочевидные связи с другими текстами, что делает его восприятие объемным и более глубоким. Неумение установить эти связи и недостаток фоновых знаний ведут к неполноценному пониманию текста в целом, поскольку интертекстуальность (в т.ч. и в литературе) описывает и объясняет взаимодействие языка и окружающей реальности. Интертекстуальные связи в литературе сохраняют определенную направленность, обусловленную историческими, культурными и общественно-политическими факторами. Актуальность умений выявления интертекстуальных связей выражается в возможности читателя не просто понимать замысел автора, но формировать осознанное и критическое восприятие текста, распознавать диалог времен и интерпретировать современные произведения в широком контексте.

Обращение современных авторов к текстам Священного Писания является устойчивой тенденцией, обусловленной комплексом причин.

Во-первых, библейские сюжеты представляют собой культурный код, общий для значительной части аудитории, даже в условиях секуляризации. Библейские сюжеты (жертвоприношение, изгнание из рая, возвращение блудного сына, искушение, конец света) являются архетипическими, поскольку затрагивают экзистенциальные вопросы человека о жизни, смерти, грехе, надежде и смысле существования. Для автора использование такого кода есть способ вызвать у читателя комплекс сложных ассоциаций, придать частной истории универсальное, вневременное звучание и онтологическую глубину.

Во-вторых, понимание интертекстуальности Священного Писания может служить инструментом критики. Помещая сакральные образы и сюжеты в современный контекст, автор создает острый конфликт между идеалами и реальностью, что позволяет подвергнуть пересмотру пороки современного общества: потребительство, лицемерие, утрату духовных ориентиров.

В-третьих, обращение к Библейским сюжетам – это способ ведения диалога с традицией. Автор переосмысливает и актуализирует вечные темы, делая их понятными для новой аудитории, находя в древних текстах ответы на вызовы современности.

Однако в XXI в. в среде современных писателей изменились тенденции обращения к текстам Священного Писания.

На смену прямому и почтительному цитированию пришла сложная игра с аллюзиями, где узнавание становится интеллектуальным вызовом. Яркой чертой стало упрощение сакральных образов: библейские конфликты проецируются на бытовую сферу, святые становятся грешниками, чудеса получают рациональное или ироническое объяснение. Особенна заметна тенденция к политическому и социальному прочтению: библейские притчи используются для обсуждения актуальных проблем, таких как миграция (путь в Вифлеем как путь беженца), феминизм (переосмысление патриархальных ролей, как у Р. Джойс), экология (апокалипсис как экологическая катастрофа), социальная несправедливость (критика фарисеев как критика лицемерной элиты). Наконец, в эпоху постмодеризма обращения к Библейским текстам часто используются как один из многих равноправных культурных кодов, смешиваясь с отсылками к поп-культуре, мифологии и философии, отражая фрагментированность сознания современного человека и поликодовость современной культуры.

Критический анализ различных подходов к интертекстуальности осуществили М. Уортон и Дж. Стилл, показав, что интертекстуальность не является единой теорией, а представляет собой набор разнообразных, часто конфликтующих между собой теоретических позиций и практик [7].

Обобщая пять ведущих концепций понимания интертекстуальности (теории Ю. Кристевой, Р. Барта, Л. Женни, М. Риффатера и Ж. Женетта), Е. В. Поветьева выводит следующее определение: интертекстуальность является продуктивностью в динамике, бесконечной пермутацией текстов; их взаимопроникновением и субъективным (через язык и письмо) рождением одного текста через бесконечное множество других [4].

Интертекстуальность характеризует взаимоотношения текстов, которые могут быть отдалены друг от друга во времени и пространстве, но, тем не менее, обнаруживают диалогические отношения через смысловые «отсылки».

Н. В. Иванов описывает интертекстуальность как феномен культурной памяти, активный процесс переноса и переосмыслиния прошлого опыта в новом контексте. Операция межтекстового соотнесения, основанная на принципе временной отнесенности и формальной референции, описывается как соотношение минимум двух контекстов: прошлого и настоящего. Элементы прошлого контекста воспроизводятся в настоящем, но вызывают при этом ассоциацию контекстуального опыта. Актуальный текст (контекст настоящего) является продолжением, равно как и отрицанием предыдущего текста. Столкновение контекстов создает дискурсивную общность и однородность различных текстов, что, по мнению Н. В. Иванова, делает интертекст механизмом смыслообразования [1].

Связь интертекстуальности с процессом смыслообразования отмечают Н. И. Свистунова и П. О. Кольчикова указывая, что интертекст позволяет читателям интерпретировать смыслы, встроенные в текст автором, однако значения могут быть поняты лишь частью реципиентов, благодаря чему каждое прочтение способствует дополнению и изменению оригинального текста. Опираясь на работу М. Уортона и Дж. Стилл, Н. И. Свистунова подтверждает способность интертекстуальной отсылки менять значение оригинала при ее употреблении в ином лингвокультурном контексте [5; 7].

М. А. Торгашева отмечает, что выражение интертекстуальных связей в художественном тексте может приобретать самые разнообразные формы: от имплицитных «намеков» до эксплицитных цитирований. К конкретным формам языкового выражения интертекстуальности автор относит метафору, метонимию, гиперболу, иронию, аллюзию, клише, крылатые слова и выражения, цитаты, прямую и косвенную ссылки [6]. Н. В. Иванов добавляет, что интертекстуальность также может реализовываться посредством синонимии, омонимии, антонимии и смыслонакопительной функции слов, когда актуальное значение лексических единиц опирается и, таким образом, вызывает ассоциации с их смысловым опытом [1].

Интертекстуальность мы рассматриваем как связь с другими текстами, культурами или произведениями. Текст включает отсылки к известным мифам, вне времененным сюжетам, фактам истории и культуры. Эти связи создают многослойность текста и дают возможность для различных интерпретаций. Интертекстуальность близка

к саморефлексии, когда текст обращается к рассказчику или слушателю, демонстрируя явные или скрытые признаки своей принадлежности к другим культурным конструктам [2].

Обосновывая механизм смыслообразования через интертекстуальные связи, мы учтываем процессы создания новых смыслов за счет столкновения, диалога или наложения двух текстов (и их контекстов) в сознании читателя.

Формирование интертекстуальных связей как механизма смыслообразования включает следующие этапы:

- активация контекста (в тексте-реципиенте (новом) возникает элемент-маркер (цитата, аллюзия, отсылка, пародия), который отсылает к тексту-источнику (старому, известному));
- создание диалога (воспринимающее сознание читателя (знающего источник) сталкивает оба текста и их контексты, возникает «горизонтальная связь» между разными культурными и смысловыми пластами);
- рождение нового смысла (новый смысл рождается из столкновения старого и нового текстов). Новый смысл, возникающий при их взаимодействии, может основываться на сходстве старого и нового текстов, тогда происходит усиление и/или подтверждение идеи; контрасте, тогда ирония, пародия либо полемика старого и нового текстов показывают расхождения идеалов и реальности; трансформации, в процессе которой происходит переосмысление и обновление старой идеи в новом контексте; обогащение – в этом случае исходный элемент в новом тексте приобретает способность обозначать не только то, что значит «здесь и сейчас», но и то, что он означал в первоисточнике, с учетом различий всех контекстов.

Ведущим методом исследования для выявления интертекстуальных связей стал контент-анализ, позволяющий перейти от интуитивного узнавания к доказательному объяснению. При проведении контент-анализа мы выявляли:

- маркеры интертекстуальности, к которым были отнесены конкретные, легко узнаваемые элементы тексте, сигнализирующие о возможной связи между текстами: прямые цитаты, оформленные кавычками, курсивом, указанием на книги и строки Библейского текста; собственные имена персонажей, мифологических, исторических фигур, названия произведений, имена известных авторов; крылатые выражения и фразеологизмы; узнаваемые сюжетные ходы или мотивы (например, непорочное зачатие, изгнание из рая, возвращение блудного сына); явные аллюзии;
- частота появления маркеров интертекстуальности;
- функции интертекстуальных связей, т.е. их предназначение в тексте, цель их использования автором. В неокончательный перечень функций интертекстуальных свя-

зей мы включаем: полемическую функцию, ироническую (пародийную) функцию, функцию выражения почтения, уважения, функцию создания символического подтекста, функцию аргументации, функцию игры с читателем.

Прежде чем приступить к анализу интертекстуальных связей, дадим краткую характеристику материала исследования.

Рассказ современной британской писательницы Рейчел Джойс (R. Joyce) «Christmas Day at the Airport» вошел в сборник рождественских историй «A Snow Garden and Other Stories». Семь историй сборника Связаны на уровне персонажей, а не фабулы, создает особую глубину и сложность повествования. Рассказ «Christmas Day at the Airport» повествует о рождении младенца в аэропорту в рождественскую ночь. Анализ интертекстуальных связей позволяет выявить, что история является аллегорией на библейский сюжет рождения Иисуса, а сам рассказ хоть и может быть прочитан в отрыве от других произведений сборника, в отдельном прочтении не будет иметь полноценного толкования.

Найденные в рассказе интертекстуальные связи были разделены на три группы методом качественного контент-анализа: экстралингвистические, межтекстовые (внутри сборника) и языковые. Рассмотрим каждую группу подробнее.

Экстралингвистические интертекстуальные связи отражают отсылки на внеязыковые реалии. Обнаружение этих связей требует от читателей фоновых знаний, отсутствие которых препятствует пониманию текста в общекультурном смысле. Группа экстралингвистических интертекстуальных связей включает религиозную и социальную подгруппы.

Рассмотрим религиозные интертекстуальные элементы рассказа.

Во-первых, отметим, что расположение рассказа «Christmas Day at the Airport» неслучайно и символично: текст является третьим в сборнике. В Библии данное число появляется неоднократно: служение Иисуса длится примерно три года; во время его распятия мир погрузился в тьму на три часа; воскрешение происходит на третий день после смерти и т.п. Таким образом, уже при прочтении содержания сборника читатель может предположить существование скрытых смыслов в текстах сборника.

Следующей заметной и очевидной отсылкой является совпадение первых букв имен главных персонажей (Magda и Joanna) с именами Марии и Иосифа (Mary и Joseph). П. А. Колосова также указывает на отсылку к Марии Магдалине – последовательнице Иисуса, изначально являвшейся грешницей-блудницей [3]. Помимо инициалов, данное мнение подтверждает и общее созвучие имен персонажей.

Зачатие ребенка Магды, по аналогии с Марией, происходит в нестандартных и таинственных обстоятельствах. Зачатие ребенка девой Марией было непорочным (т.е. не-

объяснимым с рациональной точки зрения), чего нельзя сказать о Магде (что сближает ее со второй упомянутой героиней Библии). Однако Магда также не знает, что происходило с ней в момент наступления беременности: «All Magda remembered was that she'd been at a party. She'd been given a drink. That's all» [8]. Таким образом, Р. Джойс подчеркивает связь главной героини сразу с двумя святыми.

Интерес вызывают также обстоятельства, при которых пары оказываются вдали от места жительства. В обеих историях женщины, находящиеся на поздних сроках беременности, возвращаются домой для урегулирования бюрократических процессов. Мария и Иосиф направляются домой для переписи населения, тогда как у Магды и Джоанны была потребность в подписании документов о недвижимости: «There are legal documents that Johanna needs to sign, relating to the sale of her mother's house in Bucharest» [8].

В обеих историях пару настигают сложные погодные условия, вследствие чего поиск «ночлега» становится затруднительной (и даже невыполнимой) задачей. Если в случае с Марией и Иосифом все постоянные дворы уже заняты, то героини рассказа не могут найти свободные места в зале ожидания аэропорта.

Символична также резкая смена погоды в момент появления малыша на свет: в библейской истории падает звезда; в рассказе Р. Джойс пасмурное и снежное небо заливается светом: «Then an easterly wind picks up, whipping the cloud, sending it scurrying and boiling, until a hole is ripped right through its centre and, without warning, sunlight pours down in a thick, flowing golden shaft. ... It shines» [8]. Однако падающая звезда также появляется в рассказе в виде строчки рождественской песни: «Follow a star ...» [8].

Вследствие предыдущей причины, рождение ребенка в обоих текстах происходит в окружении животных: Мария и Иосиф вынуждены остановиться в хлеву; Магду помещают в специальную комнату в аэропорту, в которой появляются осел, черепаха, а также нарисованные на рождественском постере-рекламе звери и игрушечные ягнята: «There is Magda with her baby, and Johanna; ... the Stroud Girls' Choir with their lambs; Mrs Pike and the donkey, Hester and her terrapin ...» [8]. Телега для перевоза животных, в которую положили дочь Магды, также является отсылкой на колыбель Иисуса.

По аналогии с волхвами, приносившими дары новорожденному Иисусу, персонаж по имени Mrs King с двумя дочерьми также вручают три презента: «a perfume, a golden chocolate bar and a gift box of anti-ageing cream» [8], символизирующими ладан, золото и смирну соответственно.

Во вторую подгруппу экстралингвистических интертекстуальных элементов можно выделить отсылки на актуальные социальные вопросы, с которыми сталкиваются как современные британцы, так и люди во всем мире.

В рассказе прослеживается тенденция к феминистическим взглядам. Р. Джойс заменяет всех мужских библейских персонажей на женские. Можно проследить следующие параллели: Иосиф – Джоанна, младенец Иисус – новорожденная дочь Магды, волхвы – Миссис Кинг с дочерьми. Более того, в центре любой сюжетной линии рассказа находятся взаимоотношения исключительно между персонажами женского пола – перед читателями предстают члены семьи, коллеги, подруги в хоре и даже незнакомки.

Рассказ «Christmas Day at the Airport» также поднимает проблему расизма. Джоанна и Магда являются эмигрантками из стран Восточной Европы, что становится причиной презрительной реплики: «You should go home» [8], когда женщины пытаются найти свободное место. Таким образом, автор отсылает нас к вопросам толерантности и ксенофобии, с которыми сталкивается любое (в т.ч. британское) современное поликультурное общество.

Другим острым социальным аспектом становится обесценивание Рождества как религиозного праздника в целом. Рассказ пестрит рождественскими символами, противоречащими главным библейским заповедям. Например, перед читателями предстают образы двух ангелов (работницы аэропорта), которые вопреки своей «сущности» проявляет нетерпимость: «She seems to be dressed as an angel with a tinsel halo ... The assistant scowls», а также уборщицы с нимбом на голове, прогоняющей беременную женщину из помещения. Символ Рождества, Father Christmas, также теряет свою сакральность, поскольку в аэропорту фигурируют сразу шесть наряженных в костюмы мужчин, один из которых роняет грубую ремарку в сторону героини: «Watch where you're going!» [8], а другой потерял бороду – один из важнейших визуальных кодов: «One of the Father Christmases has lost his white beard, or maybe he has chosen not to wear it» [8].

В следующую группу интертекстуальных связей рассказа мы относим отсылки на другие рассказы сборника. Например, Миссис Кинг, находящаяся в аэропорту с дочерьми, появляется также в рассказе «The Marriage Manual»; новогодняя реклама оказывается постером к новой песне исполнителя X, речь о котором ведется в рассказе «I'll be Home for Christmas»; дети главной героини рассказа «A Faraway Smell of Lemon» разыгрывают тот же библейский сюжет, который Р. Джойс взяла за основу данного текста; главная героиня рассказа «The Boxing Day Ball» представляет собой олицетворение девушки в красном пальто, появляющейся в виде фотографии в каждом рассказе; а в финальном рассказе сборника «Trees» главные персонажи проезжают мимо всех главных локаций из произведений, а также обсуждают «последние» новости, произошедшие в рождественскую ночь в аэропорту.

Подобные отсылки в рамках одного сборника направлены на создание у читателя ощущения причастности к событиям, поскольку теперь каждый персонаж рассказа не просто транслирует авторскую задумку, а имеет жизнь за пределами истории.

Третьей группой интертекстуальных связей, выявленной в ходе исследования, мы определили языковые элементы. Отметим, что данная группа вынесена отдельно условно, поскольку любые интертекстуальные отсылки выражаются в тексте в форме языковых единиц.

Примерами, не упомянутыми в предыдущих группах, могут служить: метафора «ghosts from another time», где призраками персонаж называет знакомых из прошлого; клишированная метафора «lose yourself», сравнение «hair hangs like grass», идиома «nobody has a clue», ироничная метафора «her Pikelet grandchildren» и т.п. Подобные языковые выражения и интертекстуальности доступнее для понимания читателей, однако они делают текст выразительнее и способствуют интенсификации и эскалации эмоций и восприятия действий персонажей.

Сделаем еще одну оговорку относительно феминистского переосмыслиения Библейского сюжета, которое проводит Р. Джойс. В рассказе «Christmas Day at the Airport» Джоанна (Johanna) – это женщина. В тексте анализируемого рассказа проводится прямая параллель: «Иосиф – Джоанна», поскольку Р. Джойс проводит сознательную замену мужских ролей на женские, спутница главной героини закономерно становится женщиной. Ее имя (Johanna) – это женская форма мужского имени Johannes (Джон/Иоанн). Это усиливает тему женской солидарности, взаимопомощи и является центральным элементом феминистской интерпретации истории Рождества у Р. Джойс.

В заключении отметим, что наличие интертекстуальных связей в художественном тексте делает его полифункциональным, стирает границы времени и пространства, позволяет читателям создавать контекстуальные ассоциации. Интертекстуальность повышает экспрессивность и эмоциональность текста, позволяет читателю понять оценку автора, а также расширяет границы мировоззрения, поскольку подобные отсылки отражают актуальные реалии современного общества. Понимание интертекстуальных отсылок способствует не только лучшему усвоению задумки писателя, но и формированию собственных смыслов.

Таким образом, нами были выявлены три группы интертекстуальных связей: экстралингвистические, межтекстовые и языковые. Экстралингвистические интертекстуальные связи выражены религиозными аллюзиями и отсылками на актуальные социальные проблемы британского общества; межтекстовую группу составляют «внутренние» связи между рассказами одного сборника, третья группа представлена метафорами, идиомами, клише, «говорящими» именами собственными, сравнениями и т.п.

Представленный контент-анализ позволяет проследить работу механизма смыслообразования через интертекстуальные связи. Интертекстуальные связи в рассказе Рейчел Джойс являются сознательно подобранными художественными средствами и прие-

мами для создания многомерного, актуального высказывания о современном мире через диалог с культурной традицией.

Литература

1. Иванов Н. В. Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык. В сб.: Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. Материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
2. Ильина Л. Е. Ценностное лингвокультурное содержание и особенности бытования постфольклорных текстов (на примере текстов семейных преданий): монография. М.: ИНФРА-М., 2024. 205 с.
3. Колосова П. А. Интертекстуальность в рассказе Рейчел Джойс «Christmas Day at the Airport» // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2022. №4(75). С. 130–137.
4. Поветьева Е. В. Проблемы теорий интертекстуальности в современном языкоизнании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. №8. С. 39–44.
5. Свистунова Н. И., Кольчикова П. О. Приемы выражения интертекстуальности и их функции в художественном тексте (на материале романа А. Байетт «Обладать») // МНКО, 2020. №4(83). С. 369–371.
6. Торгашева М. А. Языковые средства выражения интертекстуальных референций // Вестник ВУИТ. 2009. №2. С. 56–65.
7. Intertextuality: Theories and Practices / ed. by M. Worton and J. Still. Manchester, New York: Manchester UP, 1990. 212 p.
8. Joyce R. A. Snow Garden and Other Stories. London: Black Swan, 2015. 223 p.

Статья рекомендована к печати кафедрой английского и китайского языков
Оренбургского государственного университета
(доцент, канд. фил. наук А. В. Павлова).

Intertextual connections as a mechanism of meaning-formation (based on R. Joyce's story “Christmas Day at the Airport”)

E. A. Volkova^{1*}, L. E. Ilina²

¹*Orenburg State University*
13 Pobedy st, 460018 Orenburg, Orenburg region, Russia.

²*Orenburg Theological Seminary*
17 Chelyuskintsev Street, 460014 Orenburg, Orenburg region, Russia.

*Email: evgenia.alexandrovna@inbox.ru

This article examines the role of intertextual connections in the formation of underlying meanings and the interpretation of the author's intention. The main goal of the study is to identify the intertextual connections presented in R. Joyce's story “Christmas Day at the Airport.” The objectives of the study were to examine existing theoretical concepts of intertextuality and the linguistic forms of its expression, as well as to conduct a qualitative content analysis of the text. The study identified extralinguistic (references to religious, cultural, and social contexts), intertextual (connections with other works in the collection), and linguistic (forms of expressing intertextuality at the linguistic level) intertextual elements that form the multilayered structure of meaning in the analyzed story.

Keywords: intertextuality, meaning formation, extralinguistic and intertextual connections, linguistic form of expression, contemporary British short story.